

РОССИЙСКИЕ ФИННЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИВАНА И БОРИСА СОЛОНЕВИЧЕЙ

Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) известен прежде всего своим фундаментальным историко-философским трудом «Народная монархия». Большой успех имела вышедшая в эмиграции книга Солоневича «Россия в концлагере», выдержавшая несколько изданий.

Каждый, кто хотя бы полистает страницы главного труда И. Солоневича «Народная монархия», не может не восхититься его зажигающей энергией, оптимизмом, оригинальной и убедительной трактовкой судьбы России. 28 июля 1934 года журналист Иван Солоневич вместе с сыном Юрием совершил побег из Медвежьегорска, а Борис бежал из Лодейного поля 27 июля и 8 августа перешёл границу.

Через полтора года Солоневичи покинули Финляндию и переехали в Софию, где Ивану Лукьяновичу удалось организовать издание газеты «Голос России», быстро ставшей популярной, и возглавить движение штабс-капитанов». В 1938 году в редакции газеты «Голос России», раздался взрыв. Погибли жена Ивана Солоневича Тамара Владимировна и секретарь редакции студент Николай Михайлов. После этой трагедии Солоневич был вынужден переехать в Германию, предоставившую в 1938 году приют Солоневичам.

Финская тюрьма, где беглецы отбывали карантин оказалась для Ивана Солоневича хорошим кабинетом. Находясь в изоляторе, он начал писать очерки о финских эмигрантах в СССР, о Карелии, о системе исправительных лагерей Беломоро-Балтийского комбината. Как полагал Солоневич, его побег был организован именно для того, чтобы рассказать миру правду. Очерки Ивана Солоневича, «Карелия уходит», «Финские эмигранты в СССР», «На путях к социалистическому раю», хранящиеся в Национальном архиве Финляндии, представляют несомненный интерес не только фактами, насыщенной информацией, но, прежде всего тем, что автор был непосредственным участником событий о которых писал, писал сразу же, без какой-либо временной дистанции. Статьи Соло-

невича художественны и публицистичны одновременно. Они достоверны, в них точно изображаются события, перечисляются факты и даты, Но отбор фактов, эмоциональный накал, литературные приемы, метафоры, тропы, образные эпитеты позволяют говорить о принадлежности очерков и статей писателя также и к художественному повествованию. Документы, факты, идейные сопоставления даются так, что возникает реальная, конкретно-чувственная, картина, которую, говоря словами теоретиков литературы, «читатель может себе представить «мысленным взором», картина, «вызывающая у читателя чувства, эмоциональные симпатии, антипатии, гнев, радость, смех»¹⁸⁴.

Финских иммигрантов, не раз встречавшихся И. Солоневичу, он называет «наивными людьми, стремящимися попасть в "социалистический рай", в обетованную землю трудящихся <...>, переходившими карело-финскую границу в расчёте на братский прием со стороны советских властей». В очерке «Финские эмигранты в Советской России» Солоневич пишет о финнах с чувством некоторой вины: «...первое, что встречает нелегалов эмигрантов в СССР – это – тюрьма. В тюрьмах Ленинграда, всегда переполненных, грязных и голодных, долгими месяцами, а часто и годами сидят тысячи финских эмигрантов. Относительно всех их ГПУ наводит справки через свою агентуру в Финляндии»¹⁸⁵. В статье «На путях к социалистическому раю» он вспоминает встречи с финнами в доме предварительного заключения на ул. Шпалерной, в «Шпалерке» – первой следственной тюрьме в России. «Стены моей одиночки на Шпалерной»¹⁸⁶ были исчерчены финскими фамилиями. В общей камере тюрьмы провёл не один месяц своего заключения, из 54 заключенных было 12 финнов – страшно оборванных и голодных. ... Один из 12-ти, по фамилии, кажется, Лейконен¹⁸⁷ или Лейгонен, перебрался в Россию года два тому назад, попал в Вишер-

¹⁸⁴ Алексеев В. А. Очерк. Л., 1973. С. 55

¹⁸⁵ Солоневич И. Л. Финские эмигранты в Советской России. Suomen kansallisarhisto (Helsinki), д. 118 (Solonevitsh asiapaperit).

¹⁸⁶ Шпалерная – дом предварительного заключения ДПЗ, Шпалерная тюрьма, «Шпалерка» – первая в России следственная тюрьма. Находилась в Петербурге, на Шпалерной улице, 25

¹⁸⁷ Лейконен – сведения не обнаружены

ский концлагерь...»¹⁸⁸. По свидетельству Солоневича, таких нелегальных иммигрантов, как правило, отправляли за Урал, «преимущественно на лесные разработки в Западной Сибири или в шахты Караганды. ... для того, чтобы исключить возможность обратного бегства в Финляндию, где они стали бы рассказывать о том, что делается в “социалистическом раю”»¹⁸⁹, поэтому в Карельском концлагере ББК он их не встречал. В очерке «Финские эмигранты в Советской России» Иван Солоневич приводит конкретные цифры условий жизни нелегальных эмигрантов, сосланных за Урал, подальше от финской границы. «По карточкам они получали 800 граммов хлеба в день, 800 г сахару в месяц и пустые капустные щи на обед. Без карточек можно было покупать другие продукты, но цены – при зарплате в 100–120 рублей в месяц – были настолько высоки, что призрак голода неотступно висел над головами этих «строителей социализма»¹⁹⁰.

Одна из встреч Ивана Солоневича с финскими нелегальными иммигрантами произошла в деревне Койкары в Медвежьегорском районе в 1932 году когда он ездил в Карелию на разведку возможностей будущего побега. Эту встречу он описал подробно сначала в очерке, а затем в книге «Россия в концлагере»: «Одну из таких групп финских эмигрантов я встретил в деревне Койкары, на реке Суне, километрах в 150 от Петрозаводска, поздней осенью 1932 г. Их было человек 30, и большинство из них просидело уже по несколько месяцев в тюрьмах пограничной охраны – может быть самых страшных тюрьмах СССР. Они были оборваны и голодны, в их глазах была горечь перед теми разочарованиями, которые были уже пережиты, и ужас перед теми, которые еще предстояло пережить. У них уже не было выбора. Они уже попали в зубцы страшной машины ГПУ и превратились в безразличные единицы тех миллионов, которые работают, голодают, гибнут в зависимости от потребностей социалистического строительства и на костях которых строится фундамент ожидаемого коммунистами социалистического рая, еще более далекого, чем 20 лет тому назад. Они за-

¹⁸⁸ Солоневич И. Л. На путях к социалистическому раю. Suomen kansallisarkisto, д. 118.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Солоневич И. Л. Финские эмигранты в Советской России.

дали мне ряд наивных вопросов: скоро ли их выпустят и поставят на работу, оденут ли их, где можно достать колбасы, масла, сыру? ...Стоя на площадке грузовика (сесть было некуда), окруженные вооруженными чекистами, они уехали в Петрозаводскую тюрьму, навстречу социалистическому раю.

Есть очень небольшая группа эмигрантов–финнов, завербованных в свое время в качестве инструкторов по лесному делу. Они ликвидировали все свои дела, привезли с собой валюту, которая на границе была отобрана по паритету – два рубля за доллар (фактическая стоимость доллара – 100 рублей) – и постепенно они попадают в то же положение, как и остальные советские рабочие – русские и иностранные – в положение нищеты, голода и бесправия...»¹⁹¹.

Солоневич предостерегает финнов, что цена за поддержку мировой революции будет очень высока: «Если эта цена Вам подходит, если вы хотите принести себя в жертву отдалённым возможностям мировой революции, тогда и только тогда вам есть смысл ехать в СССР»¹⁹².

Этот очерк, написанный в финской тюрьме, никаким образом нельзя назвать доносом или выполнением заказа финских властей. Факты, в нем изложенные, попали и в книгу «Россия в концлагере». Солоневич явно симпатизирует финским революционно настроенным рабочим, отделяет их от всяческой «коминтерновской шпаны» и жалеет: «Можно симпатизировать и можно не симпатизировать политическим убеждениям, толкнувшим этих людей сюда. Но не жалеть этих людей нельзя. Это не та коминтерновская шпана, которая едет сюда по всяческим, иногда даже не очень легальным визам советской власти, которая отдыхает в Крыму, на Минеральных водах, которая объедает русский народ Инснабами, субсидиями и просто подачками. Они, эти идеалисты бежали от «буржуазных акул» к своим социалистическим братьям»¹⁹³.

Встреча с финскими эмигрантами, упомянутая в очерке, в книге описана художественно ярко, с подробностями, подчеркивающими трагическую судьбу новых мечтателей: «Это было в деревне Кой-

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. 5-е изд. Вашингтон, 1958. С. 34.

кары¹⁹⁴, куда я пробрался для разведки насчет бегства из социалистического рая, а они бежали в этот рай. Они были очень голодны, но еще больше придавлены и растеряны. Они видели ещё очень немного, но и того, что они видели, было достаточно для самых мрачных предчувствий насчёт будущего. Никто из них не знал русского языка, и никто из конвоиров не знал ни одного иностранного. Поэтому мне удалось на несколько минут втиснуться в их среду в качестве переводчика. Один из них говорил по-немецки. Я переводил под пронизательными взглядами полудюжины чекистов, буквально смотревших мне в рот <...> Из-за изб на нас выглядывали перепуганные карельские крестьяне, которые шарахались от грузовика и от финнов, как от чумы: перекинешься двумя-тремя словами, а потом Бог знает, что могут пришить. Финны знали, что местное население понимает по-фински, и мой собеседник спросил, почему к ним никого из местных жителей не пускают. Я перевёл вопрос начальнику конвоя и получил ответ: «Это не ихнее дело».

Финн спросил, нельзя ли достать хлеба или сала. Наивность этого вопроса вызвала хохот у конвоиров. Финн спросил, куда их везут. Начальник конвоя ответил: «Сам увидит» и предупредил меня: «Только вы лишнего ничего не переводите». Финн растерялся и не знал, что и спрашивать больше. Арестованных стали сажать в грузовик. Мой собеседник бросил мне последний вопрос: «Неужели, буржуазные газеты говорят правду?». И я ему ответил словами начальника конвоя: увидите сами. И он понял, что увидеть ему предстоит еще очень много.

...Впоследствии я узнал, что всех отправили подальше: за Урал, в Караганду, в Кузбасс, подальше от соблазна нового бегства – бегства–возвращения на свою старую и несоциалистическую родину»¹⁹⁵.

Судьба нелегальной финской эмиграции была тяжела. Однако не легче оказалась судьба и легальной иммиграции. В очерке «На путях к социалистическому раю» И. Солоневич рассказывает о вербовке в годы первой пятилетки иностранных рабочих и спе-

¹⁹⁴ Так в тексте. Должно быть «Койкары».

¹⁹⁵ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. С. 34.

циалистов. В странах Европы и в Америке была развёрнута шумная агитация, организованы вербовочные бюро.

Из Канады стали пребывать финны – лесорубы. «Они испытали всё то, что и остальные рабочие – иностранцы – торжественную встречу с «Интернационалом», знаменами и речами, привилегированное положение – и постепенное спускание до уровня жизни русского рабочего...»¹⁹⁶.

В 1932 году Ивана Солоневича вызвали в качестве переводчика в союз лесных рабочих. Там сидел пожилой финн. «Он умолял, чтоб его и его семью выпустили “хоть куда-нибудь”. Да, он потерял все – свои сбережения, свою работу, свое здоровье, больше того – он потерял свою веру. <...> У него было много наивности, он говорил вещи, которые нельзя было говорить – не стали бы же коммунисты выпускать такого агитатора против “социалистического рая”».

Для Карелии, отмечает автор, характерна близость финской границы, отчего приграничные местности периодически подвергались «чисткам»¹⁹⁷.

Борис Солоневич, находясь в «карантине» в приходе Тулема, тоже взялся за перо, готовя статьи на самые разнообразные темы, среди них :«Участие финнов в оборонной работе СССР», «Иванов-Патрика», «БАМ».

В своих очерках Борис Солоневич рассказывает о финских агентах царской разведки, о Соловках, где пришлось Борису Лукьяновичу сидеть в конце 1920-х годов.

Интересны сведения об Иванове–Патрика, финне по происхождению. В первую мировую он состоял на службе в разведотделении Главного Морского штаба по наблюдению за прибалтийскими и скандинавскими странами. В 1925 году, перебравшись в Россию, он получил три года Соловков, поскольку отказался сотрудничать с органами. На Соловках Иванов-Патрика стал работником на спортивной станции. Это был, по словам Бориса Солоневича, «первоклассный, неутомимый и умный работник»¹⁹⁸, владевший несколькими языками. Для чекистов это был человек «ценный, но

¹⁹⁶ Солоневич И. Л. На путях к социалистическому раю.

¹⁹⁷ Солоневич И. Л. Карелия уходит. Suomen kansallisarkisto, д. 118.

¹⁹⁸ Солоневич Б. Л. Иванов-Патрика. Suomen kansallisarkisto, д. 118.

в равной степени опасный, как профессиональный шпион». И на Соловках его неоднократно пытались склонить на свою сторону. Удалось ли это сделать – Борис Солоневич не знал. На Соловках бытовало мнение, что знающему карельскую местность, легко уйти в Финляндию. Видимо, освободившись, Иванов-Патрика так и сделал. В очерке «Участие финнов в оборонной работе СССР» речь идет о 1920-х годах, когда Борис Иванович работал спортивным организатором и встречался в Москве с финнами-курсантами интернациональной Военной Школы. Эта школа существовала в Ленинграде, и на 75% учащиеся были финны. По мнению Бориса Солоневича, курсанты, а их было около 1500 чел., «принимали активное (и, кажется, даже решающее) участие в боях в Карелии в 1921 году против «белофиннов» и в усмирении «кронштадтского мятежа» и особенно прославились своими лыжными отрядами и их походами»¹⁹⁹.

Борис упоминает 40-летнего инструктора спорта Кувонена, борца-тяжеловеса Кумпу, борца-легковеса Коко, борца-полутяжеловеса Тойвонена, участвовавших в соревнованиях на первенство Красной Армии Рясанен[а] (борца легчайшего веса) и Миналайнен[а]. Но как пишет Борис Иванович, «О существовании специально финских частей в РККА в последующие годы я не слышал. <...> национальных частей теперь нет ни в Кр. Армии, ни в войсках ОГПУ, так что я сомневаюсь в правдоподобности сведений о том, что в Карелии имеются воинские части, составленные из финнов»²⁰⁰.

Иван Солоневич неоднократно вспоминал, что он ощущал себя разведчиком, который провел многие годы в стане врага и теперь должен был дать отчет обо всем увиденном. Однако в эмиграции отчет Солоневичей оказался, по его словам, никому не интересен. «Не было ни спроса, ни допроса. Мы грузили бочки в гельсингфорсском порту, по вечерам писали свои мемуары и несколько растерянно удивлялись: неужели так-таки никто ни о чём не спросит?»²⁰¹ Более того, все, написанное беглецами, очень трудно было

¹⁹⁹ Солоневич Б. Л. Участие финнов в оборонной работе СССР. Suomen kansallisarkisto, д. 118.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Солоневич И. Л. Происхождение и цель голоса России // Вся власть – русским мозгам! Сб. ст. СПб., 2003. С. 3.

опубликовать в местной прессе. Редакторы отказывались, говоря, что в их газетах нет места.

Трудно было выступать даже с лекциями, получить разрешение, арендовать аудиторию, собрать публику. А когда разрешение, наконец, было получено, то на лекции Солоневичей стали приходить не политики, редакторы газет и журналисты, а земледельцы, занимавшиеся сельским хозяйством «где-то под Гельсингфорсом», матросы, студенты. Только им, по словам Солоневича, было интересно всё, что происходит с нынешней Россией.

По совету Татьяны Чернавиной, бежавшей чуть раньше из Кандалякши, Иван Солоневич стал публиковаться в прессе Финляндии на шведском и финском языках.

Произведения Солоневичей были очерками разных типов: с политико-исторической проблематикой, с нравственной оценкой текущих общественных процессов. Лексика очерков весьма экспрессивна, и, как правило, поддерживает главную публицистическую оппозицию авторов «мы—они», «наши — не наши». Финны, встречавшиеся им, это непосредственно «наши», в то время как власть для авторов очерков является враждебной и чужой.

Е. И. Маркова

РОЛЬ ТРУДОВ Э. Л. АЛТО В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ КАРЕЛИИ

Элли Львовна Алто родилась 12 марта 1936 года в Ленинграде в интеллигентной семье, имеющей глубокие корни в ингерманландской почве и в соседней Финляндии. Её тётя по матери Унелма Семёновна Конкка, известный фольклорист и поэт, пишущий на финском языке под псевдонимом Катри Корвела, проработала в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне – Карельского научного центра РАН) 20 лет, где сейчас работает ее сын – этнолог Алексей Конкка. Второй её сын Арви носит фамилию отца, известного писателя Пекки Пертту. Как и отец, он посвятил себя литературе. Двоюродная сестра Элли Львовны Анита Конкка – известный в Финляндии прозаик и философ. В области прозы заявил о себе и родной брат исследователь-